

ЗА ТРОЛЛЕЙБУСАМИ И ЗА МУЖЧИНАМИ НИКОГДА НЕ БЕГАЮ!

Тридцать лет спустя.

— В чем вести передачу?.. У меня 42-й размер башмаков. Просто не знаю, что делать — где брать обувь?

— А похудеть, изменить внешность вам не предлагали?

— Ну что ты! Только и успеваю отбиваться. Особенно от товарищей из «Гербалайфа». Правда, они у меня отлетают, стоит мне только глянуть. Зачем мне все это? Я не хочу терять свою индивидуальность. Я перечислю 25 болезней, которые у меня были и есть, но я и сама могу лечить людей.

— Каким образом?

— Словом, песнями. Я 25 лет печатаюсь, я лектор с огромным стажем. Петь очень люблю. Знаете, как иногда помогает песня! Раньше я очень много выступала. А с тех пор, как сшила себе два концертных костюма, меня почему-то перестали приглашать. Я очень расстраиваюсь, поэтому буду искать себе продюсера.

— А я думал, в «Теме» вы нашли себя и как журналист, и как артистка...

— Не-ет! «Тема» мне мала. Она не забирает всех моих интеллектуальных способностей. Всю концепцию передачи придумывает автор, вопросы составляет творческая группа. Мое дело здесь последнее. А мне-то хочется выговориться. Но моя задача — раскрывать героев, а не себя.

— Наверное, в этом и заключается особенность жанра — ток-шоу: в том, что зрителю дается возможность докрутить все самому.

— Ток-шоу, мок-шоу... Я не понимаю этих терминов. Я знаю одно: возможности «Темы» безграничны. Была б моя воля, я бы сделала ее более насыщенной, более неожиданной в плане раскрытия героев и тем... Но пока у меня проблема несколько другого плана. Еще нет динамики, не так быстро я работаю, не могу обогнать человека на полуслове — «спасибо, достаточно, извините». Мне стыдно, неудобно. Этому еще надо учиться.

— Меня всегда удивляло, как сначала Листьеву, а теперь вам удается каждую неделю придумать тему для передачи, более того, ее провести.

— Лично мне не надо придумывать темы. Одна журналистка очень точно обо мне сказала: «Ивановой не надо давать задания. Она, как корова, пасущаяся на лугу. Траву жует-жует, а как нажует, так сама молоко будет выдавать — только подойник подставляй».

— Я читал в одном из ваших интервью, что если вы заинтересованы темой, то это мешает вам работать.

— Да, я начинаю заводиться, много болтать, могу и про героев забыть. А вот другой пример. Была передача, ну прямо хреновая, какая-то, — «Реституция», возвращение дореволюционной собственности прежним хозяевам. Я ничего абсолютно в ней не понимала. А передача получилась удачная. Мне даже сказали потом: «Вы себя зарекомендовали как умная женщина». Как будто до этого я была дура!

— Людия Михайловна, всех интересует один вопрос: как вы попали в «Тему»? Что за отношения такие были и есть у вас с Листьевым?

— Никаких отношений не было. Мы даже не были знакомы. Мое появление на «Теме» — это тайна, которую никто не может разгадать, даже я сама. Я до сих пор не осознаю: ГДЕ Я СТОЮ! Вы

знаете, меня больше всего развеселило, как мои знакомые обсуждают мое появление в «Теме». В институте, где я работала, все обсуждают только один вопрос: сколько же она дала Листьеву денег и где она столько взяла?

— Что же еще остается думать? Ведь не на дороге он вас подобрал?

— Нет, конечно. Понравилась я ему, наверно. Вот ты сегодня пришел к нам на съемку, и я так же пришла — как корреспондент журнала «Работница». Тема была «Бальзаковский возраст». И вот я вела себя там просто отвратительно. Ерзала на этом неудобном сиденье. Мне все казалось, что Листьев какие-то дурацкие вопросы задает. И вот я выступила. Говорю: «Да вы знаете, что такое вообще бальзаковский возраст? Я в 45 лет смертельно влюбилась!» Листьев меня перебивает — вы же не умерли. А я, говорю, не только не умерла, я еще и замуж вышла. И

давая с ним спорить. Вот так первый раз и обратила на себя внимание. Потом попала на другую передачу. Там прославилась тем, что танцевала. На этом самом месте, где сейчас толкусь. Листьев был просто потрясен. А потом я пела. Он стал пристально ко мне приглядываться. А потом просто предложил занять его место.

— Скажите, Людия Михайловна, а когда вы в своей жизни все успели — стать кандидатом педагогических наук, мастером спорта по академической гребле, психологом, журналистом, написать пять книжек, стать бабушкой двоих внуков?

— Так я же сто лет живу на свете! Я стала историческим экспонатом! Войну помню — и первый день, и последний. Всех вождей, начиная со Сталина. А обязана всем своему характеру. Вообще по гороскопу я — Рыба. Но там в знаке их две. Так вот та, что направлена против течения, — это я.

— А вам приходилось занимать руководящие посты?

— Ну, конечно! Я ведь была комсомольским работником. Да еще каким! Я закончила школу, поступила в институт, но пришлось уйти, были материальные проблемы. И вот отчим устроил меня на завод имени Лихачева — чертить в конструкторском бюро. Буквально за два месяца я так завела всех вокруг себя, что стала комсоргом цеха. В общем, потом я попала в райком, занялась вожатской деятельностью, выступала с лекциями на семинарах. А потом стала работать преподавателем в вузе. У меня были чудные отношения со студентами, я собрала все звезды, какие могла, — и деканом стала, и старшим преподавателем, и зарплата была — 340 рублей!

— Почему же вы ушли?

— Не знаю, скучно стало. Сначала я не работала — пела. Просто задыхалась от восторга. Но потом вдруг как обрубило. Многие меня не понимают. Но расклад у меня на самом деле простой: я работаю, пока мне интересно.

— А не возникало у вас из-за этого материальных проблем?

— Как же, бывало. Года 3–4 назад мне совсем нечего было есть, печаталась мало, гонораров не было. Зато занималась в хоре. И вот, прихожу однажды на репетицию, и знакомая, медсестра, мне говорит: «Лид, мне неудобно тебе предлагать, но у нас в больнице буфетчица ушла, некому подать больным еду». Я так обрадовалась, на следующий же день

вышла на работу. И так была довольна, что и самой поест можно, а к тому времени так наголодалась. А потом вдруг случилась одна история, когда я не оставила для начальства рыбу, а все отдала больным. И меня — на собрание. А ты знаешь, как я к собраниям отношусь. В общем, фартучек свой — в одну сторону, ножик — в другую, и только меня и видели.

— А вообще-то вы отдыхаете когда-нибудь?

— А как же! В бане. Я парильщица страшная! Хотя нет, и там мне отдыхать не дают. Я же там главный заводила.

— А как насчет собраться с друзьями, выпить?

— Ну выпить-то выпьем, а дальше — «Давай, Лидка, начинай». Песни, пляски. Я мечтаю один день провести дома, так, чтобы утром проснуться, а вечером лечь и не выходить весь день.

— Кто ваши друзья?

— Кто угодно. Банные люди. Это как у мужиков: выпили вместе — и уже друзья. То же и у нас: вместе попарились — и вот уже родные люди. Дружила с музыкантами. Многих композиторов знаю. Но в последнее время разочаровалась в них. Уж слишком они о себе воображают. А с поэтами другие отношения. Раньше, еще до перестройки, я хотела даже кафе открыть для голодных поэтов. Так мне жаль было их, что они ничего не едят. Думала — буду готовить для них. Потом, правда, как представила, что рэкет налетит, меня в тюрьму посадят. Сейчас могла бы, да вот на «Тему» забрали.

...Мы возвращались со студии далеко за полночь. К остановке подъезжал троллейбус, который мог оказаться последним. Нам нужно было только чуть-чуть прибавить шагу.

— Ну вот еще! За троллейбусами и за мужчинами никогда не бегаю. Это мое правило: ушел один — придет другой.

Пришлось повиноваться. Пока мы ждали следующего троллейбуса, Людия Михайловна поделилась своими планами.

— Мечтаю сделать передачу о бане. Настоящей русской бане. А еще есть у меня очень-очень интересная задумка: посвятить передачу бабушкам. И пригласить в студию наших великих бабок: Пыху, Пугачеву, Лучко... Ну, ладно, поехали, вот и наш троллейбус.